

Поль Бурже

Алина

Поль Бурже

Алина

«Public Domain»

1889

Бурже П.

Алина / П. Бурже — «Public Domain», 1889

«...В те дни года, когда праздники, установленные календарем, наполняют суею улицы и квартиры и светятся в детских глазках, мне случается с грустной нежностью и иногда даже с раскаянием вспоминать о тех, для кого никогда уже не бывает праздников. Можно ли думать об умерших, не сожалея о том, что мы недостаточно любили их при жизни? Сколько знакомых лиц пронесется передо мной в часы воспоминаний! Некоторые из них усталые, состарившиеся, потертые временем, другие еще совсем молодые, свежие, юношески-прекрасные. Увы, в вечной тьме, поглотившей безжалостно и тех, и других, не существует различия между молодостью и старостью...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Поль Бурже

Алина

Хотя я едва достиг того возраста, о котором с такой меланхолией говорит поэт:

«Nel mezzo del cammin di nostra vita...»¹,

но уже из числа моих друзей почти столько же лежит под землей, сколько осталось на земле. В те дни года, когда праздники, установленные календарем, наполняют суетой улицы и квартиры и светятся в детских глазках, мне случается с грустной нежностью и иногда даже с раскаянием вспоминать о тех, для кого никогда уже не бывает праздников. Можно ли думать об умерших, не сожалея о том, что мы недостаточно любили их при жизни? Сколько знакомых лиц проносится передо мной в часы воспоминаний! Некоторые из них усталые, состарившиеся, потертые временем, другие еще совсем молодые, свежие, юношески-прекрасные. Увы, в вечной тьме, поглотившей безжалостно и тех, и других, не существует различия между молодостью и старостью. Как посетитель картинной галереи, осмотревший множество картин, останавливается, наконец, перед одной из них и любит ее, так и я выбираю из толпы мелькающих передо мной видений один образ, одно воспоминание и устремляюсь вслед за ним. Призрак этот становится почти осязаемым, воспоминание определяется, сердце мое начинает учащенно биться. Давно истлевшие щеки покрываются краской жизни. Навсегда потухшие глаза блестят. Губы вздрагивают и раскрываются. Еще мгновение, и они улыбнутся и заговорят. Вот выясняются руки, плечи, весь контур тела... Тень дышит, – она ожила!.. Это столь сильная галлюцинация, что я опасаясь подобного напряжения памяти, так как оно неизбежно ведет за собой тревожащие меня, тяжелые сны. Кто не испытал на другой день после похорон близких людей мрачных кошмаров, так странно сплетенных из наслаждения и ужаса, когда сознание как-бы раздваивается, когда явственно видишь перед глазами только что похороненных умерших и, в то же время, отлично знаешь, что они умерли? Разговариваешь с ними, обнимаешь их, бродишь с ними вместе в повседневной жизни и, в то же время, припоминаешь все подробности их похорон, на которых присутствовал и даже которыми иногда распорядился, не отдавая себе отчета, как они могли очутиться здесь, с нами, когда знаешь, что они должны быть «там», в неведомом мире.

* * *

Не знаю, все ли люди одинаково подвержены грустным приливам воспоминаний прошлого. Надо полагать, что нет, так как столько стариков с легким сердцем переживают всех своих друзей и товарищей. Мне судьба предназначила еще ребенком потерять дорогих людей, которых я даже тогда продолжал горячо любить и после их смерти. Таким образом, еще с детства, с той блаженной поры, когда живешь с такой полнотой, у меня накопилось много печальных годовщин. Одна из них совпала, начиная с десятилетнего моего возраста, с праздником Рождества. Этот великий праздник для других мальчиков вызывает одно из самых грустных воспоминаний, – воспоминание о моей первой маленькой подруге одних со мной лет, умершей за два дня до Рождества. Даже сегодня, когда со времени её смерти прошло более четверти столетия и когда передо мной встает еще много других, обвешанных венками могильных крестов на кладбище угасших привязанностей, – даже сегодня, вспоминая те прошлые годы, я как бы снова вижу перед собой мою Алину, – так звали умершую малютку, – вижу старый дом в про-

¹ «В половине нашего жизненного пути».

винциальном городке, в котором мы тогда жили, она в третьем, а я во втором этаже, большой сад при доме, полукруг, а вулканических гор на горизонте со всех сторон. Я вижу снова перед собой почти черный цвет лавы, из которой построен весь город, его узенькие улицы, вымощенные булыжником, по которому в базарные дни стучали деревянные башмаки крестьян, недостроенный собор, возвышавшийся над этим мрачным городом, и разные другие подробности: помню, что в нижнем этаже нашего дома была булочная, где пеклись жирные пышки в виде трилистника, а рядом с булочной жил кузнец, ковавший голыми руками среди дождя искр раскаленное докрасна железо; помню площадь перед нашими окнами, украшенную статуей генерала первой республики, с саблей в руке; помню и мою подругу Алину в траурном платье, – у неё умерла мать незадолго перед тем, как она с отцом поселилась над нами, – окруженную пышной зеленью сада, словно рамкой, – сада, бывшего приютом наших лучших игр.

Сад принадлежал хозяйке дома, старой, набожной и больной даме, никогда не гулявшей в нем. Мы замечали иногда у одного из окон бельэтажа её лицо, украшенное седыми буклями, на которых был наколот чепчик с светлыми лентами. Одно из стекол этого окна отливало зеленоватым цветом разных оттенков, что придавало еще более старческий вид лицу хозяйки, всегда склоненному над молитвенником или над вязаньем, предназначавшимся для бедных. Из-за стены забора сада, к которому примыкали еще другие заборы, виднелись горы, поднимавшие к небу свои усеченные, остроконечные или круглые вершины, и очертания разрушенных замков, ютившихся на их гребнях. Так живо помню я этот сад, что мог бы хоть сейчас нарисовать его окаймленным буковыми деревьями, заросшим кустами смородины, которые на зиму обертывали соломой, и грушевыми деревьями, простиравшими свои ветви, словно руки, через забор сада. Стоит мне только подумать о том, и я как бы вновь ощущаю благоухание душистого чубучника, под которым Алина, бледная, как цветы склонившегося над ней дерева, и зловеще кашляя, сидела в один из последних дней перед тем, как совсем слегла в постель. Кусты роз росли в ряд, колеблясь на своих тонких стеблях, и сколько бывало на них великолепных пурпурных роз! Подстрекаемый любопытством, я иногда срывал бутоны и раздвигал пальцами их сложенные лепестки. «Ах, злой Клод, – говорила мне Алина, – ты, ведь, убил их!» Мне кажется, я нигде больше не видал таких бабочек, какие порхали там, в саду среди цветов, хотя это были самые обыкновенные пестрые крапивницы, светло желтые капустницы, махаоны с крыльями, украшенными шпорами, светлые очковые бабочки с голубыми пятнышками. С увлечением охотника гонялся я за ними, хотя Алина не позволяла мне накалывать их на булавки, о чем я мечтал; когда я приносил ей хрупкое насекомое, она брала его двумя пальчиками, любовалась нежной окраской его крыльев, потом разжимала руку и следила за изменчивым и кружащимся полетом исчезавшей бабочки. Сад доставлял нам летом много радостей, но мы любили его и зимой. Снег заметал тогда аллеи; на ветвях деревьев и на заборе ночной мороз вытачивал настоящие ледяные кинжалы, а мы с Алиной принимались за наше большое, но не могущее осуществиться предприятие: выстроить из снега настоящий дом, чтоб укрыться там всем трем: Алине, мне и – признаться ли? – большой кукле Алины, которую она звала то «Мари», то «нашей дочкой». Это была прекрасная кукла с голубыми глазами, с шелковистыми белокурыми волосами, с двигавшимися руками и ногами, – словом, великолепная игрушка, которая покрыла бы меня вечным стыдом, если бы только мои лицейские товарищи, – я ходил уже в лицей, – могли подозревать об её существовании. Но когда Алина была со мной, она могла делать из меня все, что хотела, – так я любил ее, мою случайную сестру, данную мне близким соседством.

Привлекательность Алины состояла в какой-то задумчивой мягкости и кротости, делавшей из неё ребенка, совершенно непохожего на тех детей, которых я знал после неё. Она была маленькая, нежная, слабая девочка и, как я уже говорил, слишком бледная, так что при взгляде на нее невольно сжималось сердце, особенно при воспоминании, что мать её умерла от чахотки. С тех пор от Алины веяло преждевременной сосредоточенностью тех юных созданий, кото-

рым не суждено долго жить и которые отличаются уже чем-то слишком совершенным, слишком законченным. Размеренность, внесенная этой девятилетней девочкой во все её движения, скромность её жестов, заботливое отношение ко всем вещам, окружавшим ее, невольная её антипатия к шумным играм, безукоризненное поведение и удивительная чуткость души, – все эти качества, казалось, должны были бы сделать ее ненавистной для такого мальчика, каким был я, – запальчивого, неуклюжего, непослушного и грубого. Но случилось как раз наоборот: с того дня, как я сделался её другом, она возымела на меня такое непреодолимое влияние, что я инстинктивно покорился ей. В настоящую минуту, когда я стараюсь восстановить тогдашние чувства моей детской души, я прихожу к убеждению, что маленькая невинная девочка, тихими, легкими шагами сходявшая по каменным ступеням лестницы старого дома, первая пробудила во мне поклонение нежной душе женщины, поклонение, которое не могут совершенно вырвать из сердца самые жестокие разочарования. В обществе других моих товарищей не было шалости, в которой бы я не участвовал; сколько раз бывал я строго наказан, когда, ускользнув из-под надзора моей бонны, я совершал множество подвигов, достойных сквернейших мальчишек нашего городка: взлезал на фонтан, украшающий площадь Потерн, и пил воду прямо из пасти медного льва; садился верхом на железные перила громадной лестницы, соединяющей бульвар госпиталя с переулком, проведенным по спуску вниз, и съезжал по ним. Конечно, я падал в фонтан и летел кубарем с лестницы, промокал до нитки, рвал платье, делал себе ссадины и, в довершение всего, бывал строго наказан. Но в послеобеденные часы по четвергам и по воскресеньям, когда нам позволяли играть с Алиной, я совершенно преображался, – столько нового пробуждалось в душе полудикого мальчика. Я переставал кричать, прыгать, размахивать руками, боясь рассердить эту крошечную фею, на тонких пальчиках которой не было никогда пятнышка, а на платье – ни одной дырочки. Мне ее ставили в пример, и я нисколько не возмущался этим. Слушаться ее было для меня так же естественно, как не слушаться других. Я соглашался играть в её игры, вместо того, чтобы предлагать ей свои. Восхищался я в ней всем, начиная с её мягких белокурых волос и нежного голоска и кончая малейшими проблесками её благоразумия: например, той заботливостью, с которой она сберегала буковую ветвь, украшенную сладкими пирожками, которые давались нам в вербное воскресенье. Мое деревцо было ограблено мной в тот же вечер, а её – сохранялось еще до поздней осени. Правда, когда мы задумали состряпать обед из одного сохраненного таким образом Алиной пирожка, нам пришлось растолочь его камнем, – так он был сух. Но никогда мои пирожки не доставляли мне такого удовольствия, как этот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.